

Попова Мария Сергеевна

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЗАПАДНО-ФИНСКИХ НАРОДОВ ПЕРИОДА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ПО ДАННЫМ ФИНСКОГО ЯЗЫКА

Статья содержит анализ института семейных отношений и социальной структуры западно-финских народов периода раннего Средневековья на основе языковых данных. Исследуются лексические единицы финского языка, а также языков родственной группы, позволяющие лучше понять систему кровнородственных связей и социальных отношений западно-финских народов периода раннего Средневековья. Изучаются следы влияния других народов и культур на исследуемые объекты.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/43.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 8 (58): в 3-х ч. Ч. III. С. 158-161. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/8-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 94(4)"375/1000"

Исторические науки и археология

Статья содержит анализ института семейных отношений и социальной структуры западно-финских народов периода раннего Средневековья на основе языковых данных. Исследуются лексические единицы финского языка, а также языков родственной группы, позволяющие лучше понять систему кровнородственных связей и социальных отношений западно-финских народов периода раннего Средневековья. Изучаются следы влияния других народов и культур на исследуемые объекты.

Ключевые слова и фразы: социальная структура; семейные отношения; кровнородственные связи; западно-финские народы; раннее Средневековье.

Попова Мария Сергеевна

Воронежский государственный университет
middle_ages@inbox.ru

СЕМЕЙНЫЕ ОТНОШЕНИЯ И СОЦИАЛЬНАЯ СТРУКТУРА ЗАПАДНО-ФИНСКИХ НАРОДОВ ПЕРИОДА РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ ПО ДАННЫМ ФИНСКОГО ЯЗЫКА©

Проблема социальной структуры и института семьи западно-финских народов периода раннего Средневековья по-прежнему остается малоизученной. В первую очередь, это обусловлено практически полным отсутствием аутентичных письменных источников. Исследователи, занимающиеся изучением данной проблемы, могут оперировать, прежде всего, археологическими и лингвистическими данными.

В области анализа финского языка относительно поставленной проблемы неопенимый вклад внес ученый, профессор Гельсингфорского университета Карл Август Энгельберкт Алквист. Именно ему принадлежит большое количество трудов по заявленной тематике [11-14]. Также аналогичными исследованиями в области финского языка занимался датский лингвист Вильгельм Томсен, профессор Копенгагенского университета, исследовавший связи между финскими и балтийскими языками, взаимодействия между германскими и прибалтийско-финскими языками [16; 17]; филолог Яков Карлович Грот, профессор Гельсингфорского университета, издавший труды, содержащие сравнительный анализ славянского и финского языка [1; 2].

Для дефиниции участников семейных отношений финский язык предлагает обильный материал. Как собственно финский язык, так и другие языки той же группы сравнительно богаты аутентичными словами, обозначающими родственные связи. И так как названия родственных связей в большей части финских языков одни и те же, то из этого можно заключить, что семейный быт сложился у финнов самостоятельно, независимо от влияния других народов, еще в то время, когда финны не делились на различные племена [6, с. 240]. Однако полностью следы заимствований исключать нельзя, как будет видно из приведенного ниже анализа.

Так, понятие «жена» имеет в финском языке несколько вариантов обозначения. Один из наиболее распространенных происходит от корней *-nai*, *-nei*, от которых в различных западно-финских наречиях образуются более частные варианты – супруга, дочь, девушка. Другое, также весьма распространенное название жены – финское (финск.) слово *vaimo* – одного корня с эстским (эстск.) *vaim*- (душа, чувство) и саамским (саамск.) *vaimbo* – сердце [12, S. 35]. Это слово чаще всего использовалось в уменьшительно-ласкательном значении. Остальные названия женщины – финское и саамское *akka* – употребляются преимущественно для обозначения женщины как хозяйки в доме.

От самобытного слова *nai* – женщина, жена – происходит глагол *nain* – жениться. Для обозначения сватовства в финском и эстском языках имеется другое слово – *kosin*. Свадьба также имеет самобытное происхождение в финском языке и обозначается словом – *häät*. У саамов то же слово в форме *hajak* употребляется в более общем значении угощения [10, с. 47].

Женатый мужчина, муж носит в западно-финских языках двойное название: во-первых, финск. и ливское (ливск.) *mies*, эстск. и вотское (вотск.) *mees*, вепсское (вепс.) *mes*, во-вторых, финск. *uros*. Однако в отношении слова *uros*, по мнению ученых, возможны заимствования [6, с. 241].

В отношении терминологии, связанной с обручальным кольцом, прослеживаются шведские и датские корни. Так, в финском языке обручальное кольцо – *kihla*, саамск. *kihle*, эстск. *kihl*. Однако это слово также имеет значение залога, и в вепсском языке форма *kehl* обозначает заклад. В шведском языке слово *gislan* и в датском *gidsel* означает «заложник». По мнению А. Алквиста, не трудно объяснить, почему обручальное кольцо, залог и заклад называются словами одного корня: «если бьются об заклад, то в обеспечении справедливости своего утверждения дают залог; так и при обручении кольцо есть залог того, что жених исполнит свое обязательство перед невестой» [12, S. 138]. Таким образом, происхождение этого слова, по мнению А. Алквиста, все же берет начало в германских языках [11, S. 47].

Что же касается лиц, вступающих в брак, то для их обозначения в финском языке существуют как слова непосредственно финского происхождения, так и заимствования. Так, слово «невеста» – по-фински *morsian*, эстск. *mõrsi*, саамск. *moarsse*, – по мнению В. Томсена, имеет литовское происхождение [16, S. 83]. Он считает, что в финском языке отсутствует самобытное название для помолвленной девицы, однако существуют слова, обозначающие девушку, еще не вступившую в брак и не имеющую детей: финск. *nuorikko*, вотск. *noorikko*, эстск. *noorik* [Ibidem, S. 84]. Все эти слова происходят от одного корня *nuori* – молодой.

В отношении слов финского языка, обозначающих жениха, существуют коренные финские, например, финск. *ylkä*, саамск. *irgge*, эстск. *peig*. Однако чаще всего эти слова используются в переносном значении, а наиболее распространенное в финском языке название жениха – *sulhanen* – является заимствованным. При этом распространение этого слова в языках западно-финской группы является свидетельством одного из обычаев древнего финского быта. Финское слово *sulhanen* имеет аналогии в эстском (*sullane*) и ливском (*sulli*) языках, где оно обозначает слугу, работника. Такое же значение имеет и латышское слово *sullainus*, которое и послужило прототипом для вышеуказанных слов. Оно также обозначает слово «слуга». Вероятно, переход значения слуги в значение жениха объясняется тем, что в древности у финнов был обычай, согласно которому молодой человек, желающий жениться на девушке, должен был до свадьбы прослужить некоторое время в работниках в доме отца невесты [12, S. 251]. Отголоски этого обычая встречаются и в карело-финском эпосе «Калевала», где герой Ильмаринен, желающий жениться на девице из Похьелы, должен сначала выполнить ряд заданий, предложенных ее матерью, большинство из которых хозяйственного характера [3, Руна XIX].

Помимо терминов, касающихся непосредственно брачных отношений, необходимо рассмотреть также термины дефиниции кровного родства. Для обозначения слова «отец» в финском языке используются следующие термины: во-первых – финск. *isä*, эстск. *isa*, вотск. *izä* и *ätä*; во-вторых, финск. *taatto*, эстск. *taat*, вепс. *tat*. Оба слова по значению очень близки между собой и часто смешиваются друг с другом в употреблении [11, S. 28]. При этом слово *isä* – отец – сходно по звучанию с другим финским словом *iso*, что означает «большой», и эта аналогия прослеживается и в отношении слова «дед». Так, название деда или вообще старика – в финском языке *äijä* – происходит от корня, означающего «великий». В меньшей степени распространено другое название деда или старика – *ukko*, вепс. *uk*. Конечно, прослеживается прямая связь с основным божеством финнов Укко – *Ukko* – богом неба. По замечанию Кастрена, однако, Укко не являлось личным именем почитаемого финскими племенами бога, а скорее, использовалось в качестве эпитета для выражения почтения [15, S. 26].

Слово «мать» носит в финских языках несколько названий: одно из них – *emä*, *jema*. Это слово, помимо непосредственно финского языка, также встречается у вотяков, ливов и остяков [14, S. 38]. Другое наименование матери – *enne* – не менее распространено и встречается также у саамов и вогулов. Что же касается финского слова *äiti*, эстск. *eit*, оно, вероятнее всего, инородного происхождения, возможно, из германских языков. Несомненно, например, что финское слово *tummo*, обозначающее бабушку, происходит от шведского слова *mormor*, что также указывает на влияние германских языков [12, S. 129].

Дитя, ребенок называется в финском языке *lapsi*, в эстском, ливском и вепсском *laps*. Это слово самобытно. Однако в отношении слов, обозначающих, например, сына и в особенности внука, этого сказать нельзя. Так, название сына в финск. *poika*, вепс. *poig*, эстск. *poeg* имеет аналогии в датском языке, что свидетельствует о внешнем влиянии [1, с. 448]. Для обозначения представителей третьего поколения финский язык не имеет соответствующей лексики, она полностью заимствована из славянских языков: *unuka*, *vunukka* [8, с. 211].

В отношении слов, обозначающих более дальних, второстепенных родственников для финского языка характерна следующая особенность: старшие и младшие братья, сестры, дядья и тетки, мачехи, отчимы, свекры и свекрови, шурины, девери, невестки имеют в финском языке отдельные обозначения, причем, как правило, аутентичного характера [2, с. 449]. Этот факт очень важен, т.к. свидетельствует о том, что такое обилие самобытных терминов для обозначения мелких оттенков родства позволяет сделать заключение, что семья сложилась у финнов самостоятельно и прежде, чем они подверглись влиянию прибалтийских народов.

Здесь уместно будет привести замечание П. А. Лавровского, исследователя славянской терминологии родства, о том, что такое разграничение различных родственных оттенков «необходимо должно вести к заключению о происхождении его в пору совместной жизни целого рода, потому что только при таком условии понятно становится потребность более точного и определенного вида родичей, а через это – и избежание смешения и недоразумений». Ученый также отмечает, что «полнота родственных терминов относится к самому полному развитию семейно-родовой связи» [4, с. 91].

Элементы родовых отношений и простейшей социальной организации у западно-финских народов периода раннего Средневековья частично отражены в следующих данных языка. Понятие рода обозначается в западно-финских языках, прежде всего финск. и вотск. *suku*, эстск. и вепс. *sugu*, саамск. *sokka*, а также финск. *heimo*, эстск. *höim*. Эти слова аутентичны, а, следовательно, свидетельствуют о самостоятельности оформления элементов социальной структуры. Однако, по мнению А. Алквиста, оформлению более сложных форм социальной организации препятствовали природные и бытовые условия. Согласно его замечанию, каждая семья жила сама по себе, отдельно от других, ради удобства охоты и пастьбы скота [12, S. 244]. Впрочем, многие современные исследователи опровергают эту точку зрения [9, с. 311].

Отношения землевладения у западно-финских народов периода раннего Средневековья представлены следующей терминологией. Отдельное жилище одной семьи называется по-фински *talo*, у эстов *talu*, у саамов *dallo*. Но крестьянская усадьба с прилегающей землей обозначается иным термином – *tila*. Участок земли, предоставляемый в пользование лицу за некоторую плату или при условии выполнения работ, носит название *torppa*, от шведск. *torp*, однако, это термин более позднего происхождения и связан со шведским владением над финскими землями [5, с. 17; 7, с. 10].

В соответствии с таким разграничением в терминологии жилья отдельной семьи и крестьянской усадьбы с участком земли, предоставляемой в пользование, выделяются также понятия независимого землевладельца или господина (госпожи), работника и слуги. Так, для обозначения хозяина дома (хозяйки) используются термины *isäntä*, *emäntä*, аналогии которым существуют и в языке эстов, вепсов, ливов [16, S. 129]. В южно-емских

говорах эти слова получили значение господина (госпожи). Их происхождение, очевидно, связано с финск. *isä* – отец и *emä* – мать. Причиной такого сходства может являться народное представление о том, что домохозяйствами являются лица, вступающие в свои права после смерти родителей, то есть занявшие их место в отношении землевладения [11, S. 42].

Для обозначения работника, слуги в финском языке имеется несколько вариантов, но по большей части они заимствованы. Так, одно из наиболее ранних слов финск. *orja*, эстск. *ori* – обозначает слугу, раба. Однако наличие института рабства у западно-финских народов периода раннего Средневековья маловероятно, что подтверждается заключением ряда исследователей [6, с. 248]. Возможно это отголосок заимствованных данных лексики. Интересно, что слова *kosakka* и *populi*, имеющие явное славянское происхождение, использовались для обозначения понятия «наемный работник» и «бобыль». Как отмечает Я. К. Грот, в том же смысле они употреблялись в русском языке Архангельской, Псковской и Тверской губерний [2, с. 720].

Чтобы рассмотреть процесс формирования института землевладения у западно-финских народов периода раннего Средневековья, необходимо обратить внимание на те слова и термины финского языка, которые использовались для обозначения земельных участков, границ между ними, для обозначения соседских отношений. А. Алквист отмечает, что изначально границами между землями отдельных семей могли служить только естественные природные преграды: реки, горные кряжи и т.п. [12, S. 181]. Возможно именно поэтому более раннее происхождение в финском языке имеет не слово сосед – *nabui*, а слово чужой – *vieras*. При этом именно слово *vieras* самобытного происхождения, а *nabui* заимствовано из шведского языка (шведск. *nabo*).

Занятая земля называлась *puhä* – заимка, займище. Чтобы отметить такой участок каким-либо знаком, ставили столб или клали камень, который назывался *pyuki*, *pyukki* – межевой знак. Для обозначения поселений, деревень употреблялось слово *kulä*, вепс. *kiila*. Это слово использовалось для обозначения деревни как совокупности жилищ в большей степени, чем для обозначения сельской общины [1, с. 311].

Что же касается понятия «община», то этот аспект требует отдельного рассмотрения. В финском языке существует самобытное слово, обозначающее общину – *pitäjä*. После принятия христианства это слово стало использоваться в значении прихода, однако изначальный его смысл не был до конца утрачен. Так, уже в период шведского владычества это слово приобрело значение «волость» [5, с. 13]. По мнению ученых, это слово первоначально употреблялось у еми и тавастов, что говорит о более раннем развитии общественной жизни у этих народностей в период раннего Средневековья [6, с. 249].

В таком случае развитие финской общины – *pitäjä* – более всего соответствует развитию славянских погостов как отдельных сельбищ, а впоследствии объединений таких сельбищ, где наиболее крупное является главным. С течением времени термин *pitäjä* получил религиозное значение (приход) и гражданское (волость) [5, с. 3]. Несмотря на то, что слово *pitäjä* является самобытным, многие ученые считают, что при формировании такого важного элемента социальной жизни как община весьма вероятны внешние влияния, например, славянское или литовское [8, с. 86; 16, S. 38].

Управление общиной осуществлялось собранием – *keräjä*. Это слово не заимствовано финнами и является аутентичным. Впоследствии смысл этого термина перерастает в значение суда. Для обозначения главы собрания использовалось слово *kuhm* (вепс.), впоследствии им называли любого барина, еще позже – чиновника. А. Алквист также считает, что этим термином могли обозначать военного вождя во время войн [12, S. 153].

Таким образом, в области семейных отношений и кровнородственных связей финский язык предоставляет достаточно обширный материал. Характерно обилие самобытных слов для обозначения разных степеней родства, как ближнего, так и дальнего, а также достаточно большое количество лексики, касающейся института брачных отношений.

Данные о социальной структуре, общественном строе западно-финских народов периода раннего Средневековья в финском языке позволяют говорить о достаточно слабой социальной дифференциации, которая, однако, все же присутствовала, что подтверждается наличием соответствующих аутентичных терминов. В данном контексте особенно важен факт наличия у западных финнов такого элемента социальной организации, как община. По мнению ученого Э. Коэна, понятие «община» следует трактовать как особое «вместилище символов», обозначающее «осознание принадлежности» к сообществу («the sense of belonging»). Именно в общине приобретаются и реализуются качества «быть социальными», и именно здесь постигается культура [18, p. 82].

Список литературы

1. Грот Я. К. Из скандинавского и финского мира (1839-1881). СПб., 1898. Т. 1. 1072 с.
2. Грот Я. К. Филологические разыскания (1852-1892). СПб., 1899. Т. 2. 941 с.
3. Калевала / пер. Л. П. Бельского; вступ. статья и примеч. С. Я. Серова. Л.: Лениздат, 1984. 574 с.
4. Лавровский П. А. Коренное значение в названиях родства у славян. М., 2005. 144 с.
5. Лялина М. А. Очерки истории Финляндии (от древнейших времён, до начала XX столетия). СПб.: Изд-во В. Березовского, 1908. 302 с.
6. Майков Л. О древней культуре западных финнов по данным их языка // Журнал Министерства Народного Просвещения. Июнь. 1877. Пятое десятилетие. СПб.: Тип. В. С. Балашева и Ко, 1877. Ч. СХСIV. С. 239-281.
7. Мейнандер Х. История Финляндии. Линии, структуры, переломные моменты. М.: Весь Мир, 2008. 248 с.
8. Некрасов Г. А. Тысяча лет русско-шведско-финских культурных связей IX-XVIII вв. М.: Наука, 1993. 270 с.
9. Прибалтийско-финские народы: история и судьбы родственных народов / сост. М. Йокипили; ред. рус. издания П. Мутанен. Ювяскюля: Атена, 1995. 504 с.
10. Широнова М. П. Религиозно-мифологический комплекс в саамской культуре. СПб., 2009. 188 с.
11. Ahlquist A. Det vestfinska språkets kulturord. Helsingfors, 1871. 175 S.

12. **Ahlquist A.** Die Kulturwörter der westfinnischen Sprachen: ein Beitrag zu der älteren Kulturgeschichte der Finnen. Helsingfors, 1875. 323 S.
13. **Ahlquist A.** Om Ungerska sprakets förvandtskap med Finskan (A magyar és a finn nyelvek rokon-ságáról). Helsingfors, 1863. 280 S.
14. **Ahlquist A.** Wotisk grammatik jemte språkprof och ordförteckning. Helsingfors, 1855. 115 S.
15. **Castrén M. A.** Vorlesungen uber die Finnische Mythologie. Uebersetzt von. A. Schifner. St.- Petersburg., 1853. 349 S.
16. **Thomsen V.** Beriginger mellem de finske og de baltiske (litauisk-lettiske) Sprog. Kobenhavn, 1891. 192 S.
17. **Thomsen V.** Den gotiske sprogklasses indflydelse p den finske. Kobenhavn, 1869. 244 S.
18. **Walton G. M., Cohen G. L.** A Question of Belonging: Race, Social Fit, and Achievement // Journal of Personality and Social Psychology. 2007. Vol. 92. No. 1. P. 82-96.

FAMILY RELATIONS AND SOCIAL STRUCTURE OF THE WESTERN FINNISH PEOPLE OF THE PERIOD OF THE EARLY MIDDLE AGES BY THE MATERIALS OF FINNISH LANGUAGE

Popova Mariya Sergeevna
Voronezh State University
middle_ages@inbox.ru

The article provides an analysis of the institution of the family relations and social structure of the Western Finnish people of the period of the early Middle Ages on the basis of linguistic data. The author examines the lexical units of Finnish language and the related languages, which allow better understanding the system of the blood relations and social relations of the Western Finnish people of the period of the early Middle Ages. The paper also studies the traces of the influence of other people and cultures on the objects under research.

Key words and phrases: social structure; family relations; blood relationships; the Western Finnish people; the early Middle Ages.

УДК 327.84

Политология

В статье рассматривается влияние международных отношений на кибербезопасность Российской Федерации, приобретающую в современных условиях всё большую актуальность. Определяются наиболее вероятные виды киберугроз, выявляются центры и методы противоправного воздействия. Прогнозируются некоторые направления кибервоздействия на отечественную информационную инфраструктуру. Основное внимание автор акцентирует на взаимосвязи политических явлений и информационного противоборства, выявленной в ходе изложенного анализа.

Ключевые слова и фразы: национальная безопасность; информационная безопасность; кибербезопасность России; киберугрозы; кибервойна; информационная война; международные отношения; политика; спецслужбы; кибершпионаж.

Сангалов Виктор Александрович

Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского
vsangalov@gmail.com

УГРОЗЫ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ РОССИИ В ИНФОРМАЦИОННОЙ СФЕРЕ©

Актуальность рассматриваемых проблем определяется возрастающей ролью информационных технологий в современных международных отношениях, прежде всего в политическом противоборстве между государствами. Анализируются примеры практического применения кибернетического и информационного воздействия с целью оказания влияния на руководителей государств во время принятия внешнеполитических решений, сделана попытка спрогнозировать развитие ситуации и сформулировать ряд мер, необходимых для локализации возможных негативных последствий.

Угрозы безопасности России в киберпространстве

Согласно «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» [6] (далее – «Стратегия»), на обеспечение национальных интересов Российской Федерации (РФ) негативное влияние будут оказывать (наряду с другими факторами) силовые подходы в международных отношениях, а также совершенствование форм противоправной деятельности в кибернетической области и сфере высоких технологий. Прогнозируется увеличение глобального информационного противоборства, рост угрозы стабильности индустриальных и развивающихся стран мира, их социально-экономическому развитию и демократическим институтам. Получат развитие националистические настроения, ксенофобия, сепаратизм и насильственный экстремизм, в том числе под лозунгами религиозного радикализма.

Одной из основных угроз безопасности государства «Стратегия» определяет информационные средства ведения борьбы, в т.ч. способные привести к новому витку гонки вооружений в военной, политической и социальной плоскостях. Негативное воздействие на обеспечение национальной безопасности в сфере высоких технологий (IT-сфере) оказывают зависимость информационной инфраструктуры органов государственной